

А. М. Сапир
Мэйн, США

ЭПИЧЕСКАЯ ЛИРИКА ПОЗДНЕГО ТВАРДОВСКОГО: ЦИКЛ «ПАМЯТИ МАТЕРИ»

Аннотация. В статье рассматривается история создания Александром Твардовским цикла «Памяти матери», работа над циклом интерпретируется как вершина художественной, философской и гражданской эволюции автора.

Ключевые слова: А. Твардовский, цикл «Памяти матери», эпическая лирика, трагедия раскулачивания, ссылка на Северный Урал, «сын кулака», композиция цикла, образ матери, образ чужбины.

A. M. Sapir
Maine, USA

THE EPIC POEMS OF THE LATE TWARDOVSKI: CYCLE “IN MEMORY OF MOTHER”

Abstract. In the article the history of Alexander Tvardovsky cycle “of Mother”, the work on the series is interpreted as the pinnacle of artistic, philosophical, and the evolution of the civil author.

Keywords: A. Tvardovsky, Cycle “To the Memory of the Mother”, The epic poetry, The tragedy of collectivization, The exile to the North Ural, “The Son of kulak”, Composition of the cycle, Image of the Mother, Image of the foreign country.

Цикл стихотворений А. Твардовского «Памяти матери» является непосредственным откликом на ее смерть 23 марта 1965-го года. Напечатан в сентябре того же года, в журнале «Новый мир» вместе с другими стихотворениями. Все они объединены названием «Из лирики этих лет». Смерть матери заставила поэта обратиться памятью к самым тяжким испытаниям, выпавшим на её долю: раскулачиванию, выселению из родных мест, жизни на немилой чужбине, возвращению на Смоленщину, но не в родные края, к тому времени разорённые. Незаживающая рана самого поэта (в его партийной учётной карточке так и написано было – «сын кулака»), переживания матери и трагедия крестьянства, подвергшегося насильственной коллективизации, слились в стихотворениях воедино.

Чтобы понять, почему так трогает маленький, из 4-х стихотворений состоящий цикл, надо увидеть особую роль Матери, Марии Митрофановны Твардовской, в жизни и творчестве поэта, уяснить особый характер лиризма в цикле и в позднем творчестве А.Твардовского в целом, или, говоря словами В.Каверина, представить, «как Твардовский работал над поэзией, как поэзия работала над ним» [Романова 2006: 626]. «Памяти матери» есть выражение лирической, философской и гражданской мысли А. Твардовского в её итоговом воплощении. Наша задача – попытаться увидеть, как поэт выстрадал эти итоги.

В том формате, который мы избрали для работы, – медленное чтение – не предполагается всестороннее исследование всех поставленных проблем. Но важно, чтобы анализируемый материал рассматривался под их знаком.

Образ Матери в жизни и творчестве поэта

История создания цикла – это, по сути, всё предшествующее творчество поэта. К образу матери А.Твардовский обращался часто и в стихах, и в про-

зе, чувствуя своё родство с ней не только по крови (они и внешне были очень похожи: тот же абрис лица, те же светлые глаза, похожая улыбка). Она была такой же и не такой, как обычные крестьянские женщины. Была похожа трудолюбием и стойкостью к невзгодам. Не похожа – поэтической душевной организацией. Вот каким предстаёт её образ в первом же ей посвящённом стихотворении:

И первый шум листвы, ещё неполной,
И след зелёный по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена.
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо –
Мне всякий раз тебя напоминают.
[Цит. по кн. Турков 2010:13]
1937

Первые, ещё детские, звуковые и зрительные впечатления и образы, как бы сросшиеся с обликом матери, остались в сознании поэта на всю жизнь, находя всё более глубокое воплощение в стихах.

Позднее, в «Автобиографии», А. Твардовский вернётся к первоначальным впечатлениям, но углубит их: «Мать моя, Мария Митрофановна, была всегда очень впечатлительна и чутка, даже не без сентиментальности, ко многому, что находилось вне практических, житейских интересов крестьянского двора, хлопот и забот хозяйки в большой многодетной семье. Её до слёз трогал звук пастушьей трубы где-нибудь вдалеке за нашими хуторскими кустами и болотцами, или отголосок песни с деревенских полей, или, например, запах первого молодого сена, вид какого-нибудь осинового деревца...» [Цит. по кн. Турков 2010: 13]

В прозаическом отрывке поэт дополняет и углубляет свои первые впечатления (хотя главные характеристики почти дословно повторены в нём): образ матери предстаёт многосторонним – она пока-

зана в сфере повседневных забот, в душевных волнениях, в песне. Известно, что истоки своей «поэтической способности» (а эту способность он считал лучшей в себе) поэт видел в жизни на отцовском хуторе и в материнской любви к родному и близкому, которые понимались очень широко: это и родная природа, и родные места, и собственно близкие люди. Укорененностью в народном бытии и определялась близость мироотношений матери-крестьянки и сына-поэта. Таким образом, и в первом стихотворении, посвящённом матери, и в более поздних воспоминаниях поэт выделяет главное в её натуре - поэтическое восприятие бытия, преобразующее внутренний мир женщины-крестьянки.

В стихотворении «Осиновый хутор» поэт называет мать «тихой и простой». Так он характеризует её за необыкновенную чуткость к сыну, в котором она замечает, кроме крестьянских, иные навыки и запросы, и её тихую и бескорыстную помощь (бывало, делала за него крестьянскую работу). Но слова «тихая и простая» не исчерпывают её облика. Нет ли противоречия между подобным определением и поэтичностью, о которой говорилось выше? Постараемся понять, какой смысл вкладывает Твардовский в определение «простая». Это понимание необходимо ещё и потому, что частотность использования данного слова в речи самого Твардовского (о матери ли, как в данном отрывке, или о стихах), а также в речи пишущих о нём значительна. Вот характерный пример. Выступая перед своими избирателями (художник был избран делегатом XXI съезда партии), он сказал следующее: «Я не представляю себе, чтобы я написал книгу или какое-то небольшое стихотворение, имея в виду лишь узкий круг специалистов литературного дела. На протяжении всей моей литературной жизни я всегда проверял себя так: а поняла бы моё новое произведение простая женщина, такая, как моя мать Мария Митрофановна» [Романова 2006: 476].

«Простая» в устах Твардовского не означает «примитивная». Даже из того немногого, что уже было сказано о матери поэта, ясно, что её особая чуткость к природе, к народной песне, к сыну, поэтичность её внешнего и внутреннего облика, умение, оставаясь крестьянкой, хозяйкой, матерью, подниматься над крестьянским укладом и бытом, – всё это делает её многогранной натурой. Слово «простая» в данном контексте означает способность жить в соответствии с мудрыми и вечными началами жизни, её неотменяемыми законами, которые мы называем «простыми».

Чтобы в общих чертах завершить портрет матери и показать её роль в формировании поэтического склада души сына-поэта, сошлемся на мнения разных людей. Василий Сиводедов, давний, ещё по школьным годам в Белом Холме, соученик будущего поэта, говорит о «тонкой духовной организации» Марии Митрофановны [Сиводедов 2008: 12]. Владимир Лакшин, литературовед, критик и сподвижник поэта по «Новому миру», – о её «богатой одарённости», «которой могли бы позавидовать признанные мастера слова», и называет её «вторым крылом» советского поэта [Цит. по кн. Твардовский 2012: 7].

И, наконец, сам поэт, говоря о «золотом запасе впечатлений детства и юности», который даёт художнику «на всю жизнь», не случайно соотносит его с ролью матери в жизни человека: «Он (художник. – А. С.) может многообразно приумножить его накоплением позднейших наблюдений, изучением жизни в натуре и по книгам, но заменить эту основу основ поэтического постижения жизни невозможно, как невозможно заменить в своей памяти родную мать другой, хотя бы и самой прекрасной женщиной» [Привалов 2008]

Работа над циклом «Памяти матери».

Гражданская и художническая позиции

Замысел, наброски, промежуточные варианты стихотворений цикла мы находим в так называемом «Новомирском дневнике» А. Твардовского. Так совпало, что тяжелейшая утрата в жизни поэта слилась с предчувствием ухода с поста главного редактора выпестованного им журнала – «Новый мир». Оттого на страницах Новомирского дневника, перемежая записи о литературных и общественных делах, о набирающей силу критике «Нового мира» и о попытках спасти своё детище, находим черновики цикла «Памяти матери». Данные записи дают возможность проследить ход мысли поэта, увидеть изнутри, как зарождался и воплощался замысел. Ещё раз подчеркнём, что лирический цикл вызревал среди дум о событиях иного плана – общественно значимых, «судьбоносных», как принято говорить. Работа над циклом, как свидетельствуют записи, была продиктована тем же высочайшим чувством долга, что и борьба за литературу, борьба за журнал.

В записи от 17.06.65 читаем: «...Намечается несколько вещей “Памяти матери” (...) И м.б. (...) что-нибудь выйдет достойное её памяти. В сущности – это речь о себе, обо всём самом дорогом в этом мире – что от неё у меня» [Новомирский дневник 2009: 344] Так сам поэт раскрывает замысел своего цикла. Слова эти можно было бы предпослать в качестве эпиграфа ко всему циклу «Памяти матери». А уже 19 июня мы читаем первый вариант стихотворения, которым начат цикл, – «Прощаемся мы с матерями...». После него идёт запись от этого же числа: «Дела плохи, журнал как в блокаде» [Новомирский дневник 2009: 345].

Пометки о работе над последним стихотворением цикла «Перевозчик-водогрёбщик» перемежаются записью о случайной встрече с главным обвинителем «Нового мира» В. Кочетовым, в репликах которого Твардовский ощутил наигранность, и с раздумьями над стихами И. Бунина, над «его неподверженностью, нет, противопоказанностью всякой литературщине, «беллетристике», моде...» [Новомирский дневник 2009: 342]

16 июля Твардовский набрасывает тезисы для разговора с партийным функционером Демичевым о положении «Нового мира» (среди них такой: «Если журналу быть – он должен быть поставлен в равные с др(угими) условия»), а 18 июля записывает два предпоследних варианта заключительного стихотворения цикла [Новомирский дневник 2009: 364–366].

Настроение, которым проникнут цикл, создается чувствами сына, избывающего свою горечь и вину перед матерью. Так он понимал свой долг перед ней. В свою очередь, глубокое ощущение сыновнего долга обостряло чувство ответственности за подлинно правдивую и демократическую литературу и журнал, который ее издавал, в чем и видел Твардовский свое служение Отечеству.

Существует много свидетельств того, как тяжело воспринял художник смерть матери. Вот одно из них. «В дневнике известной актрисы Ф. Раневской, соседки поэта по дому (...), есть запись 1965 года: “В тёмном подъезде у лифта стоит Твардовский. Я:

– Александр Трифонович, почему Вы такой печальный?

Опустив голову, отвечает:

– У меня мама умерла.

И столько в этом было детского, нежного, святого, что я заплакала. Он благодарно пожал мне руку”» [Турков 2010: 294].

В первом же стихотворении цикла «Прощаемся мы с матерями...» [Твардовский 2012: 60] звучит это чувство вины перед матерью, с которой «прощаемся» «ещё в нашей юности ранней, / Ещё у родного порога». Покидающему дом не терпится уехать, он опасается отсрочки и «к назначенной рвётся разлуке» в то время, «когда нам платочки, носочки / Уложат их добрые руки». (Сколько любви и доброты в этих уменьшительно-ласкательных суффиксах – «платочки, носочки», в эпитете «добрые руки»!) Доброта, заботливость матери и невольная жестокость, невнимание сына особенно мучают при воспоминании. Герой казнит себя за сыновний эгоизм, с каким он «спешит известить (...) по почте «о воле сыновней» и затем «позволяет матери любить» «девчонок безвестных» – «невесток», «а там – за невестками – внуков...» И «вдруг назовёт телеграмма / Для самой последней разлуки / Ту старую бабушку мамой».

Мучительно здесь слово «вдруг» после многозначия, вместившего безостановочный поток жизни. «Вдруг» как ее остановка – «для самой последней разлуки». Одно из главных ощущений, возникающих при чтении стихотворения, – быстротечность человеческой жизни. Ощущение ее потока жизни, не позволяющего ни остановиться, ни задуматься. А где-то на периферии оказывается самый дорогой человек, значение которого осмысливается тогда, когда его не станет. Сопоставление чернового варианта с окончательным показывает, что Твардовский усиливает это ощущение. Сравним эти тексты. Черновой вариант:

Но полная степень разлуки
До самого этого часа,
И с ними, и с юностью краткой,
Когда ты, родимый сыночек,
Когда за невестками внуки,
За гробом идешь – седовласый,
А там уже всё по порядку.
И нет уже больше отсрочек.
[Новомирский дневник 2009: 345]

А вот как звучит окончательный вариант, заключительная (5-ая) строфа:

А – там за невестками внуки...
И вдруг назовёт телеграмма
Для самой последней разлуки
Ту старую бабушку мамой.

Вместо 6 строф черновика – 5 в окончательном тексте. Убрав ряд деталей и «неработающих» слов из последних двух строф, поэт в окончательном варианте словно убыстряет события, тем самым как бы приближая развязку. Таков зачин цикла с его «правдой бьющей» и запоздалым чувством вины лирического героя. С его возникающим пока на обочине восприятия, как бы вызревающим чувством долга перед матерью.

Второе стихотворение – «В краю, куда их вывезли гуртом...» [Твардовский 2012: 61] – возвращает нас к событиям биографии А. Твардовского почти тридцатипятилетней давности.

Мать с детьми выселили из дома 19 марта 1931 года, а 31-го их вместе с присоединившимся отцом отправили в эшелоне на Северный Урал (иногда Новую Лялю, где семья отбывала ссылку, относят к Сибири). Уже первая строка стихотворения расставляет необходимые акценты: «их вывезли», «гуртом», – так, как вывезят скот.

К тому времени, когда родных отправили в ссылку, Александр уже три года, как ушёл из семьи и строил свою судьбу самостоятельно. Сложись обстоятельства иначе, и числился бы поэт не «сыном кулака», а «кулаком», не помогли бы заслуги А. Твардовского перед страной. В письме к Л. Брежневу читаем: «Я убедился в полной невозможности что-либо тут поправить и стал относиться к этому как к непоправимому несчастью моей жизни, которое остаётся только терпеть, если хочешь жить, служить своему призванию...» [Твардовский 2010: 385]. Оттого и чувство несправедливости, совершённой в отношении его семьи – раскулачили бедняков, едва сводивших концы с концами, а могли бы и его, поломав судьбу, – это чувство усиливается многократно.

В стихотворении голос лирического героя наделяется обобщенно-эпической оценкой. Точнее, лирическое в нем теряет индивидуальное, становясь отражением всенародной судьбы. Переживания матери даются то в словах сына, то от первого лица – высказаны её устами. Их чувства, отношение к пережитому, строй речи максимально сближены. Может, нигде и никогда не были мать и сын столь близки (по духу родные, а не только по крови), какими предстают в этом стихотворении.

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было – холода и голода.

Использование «третьего лица» («...куда их вывезли...» и ниже: «И ей, бывало, виделись...») фиксирует некую отстранённость, объективное свидетельство сведущего человека. Через горе одной матери, семьи показана трагедия всего народа. Ведь каждое слово – образ, в котором боль, обида, горечь, недоумение. Вывезли, как скот. «На севере, тайгою

запертом» – что это, как не образ тюрьмы! Поэтому последняя строчка в катрене сформулирована в духе поговорки – в ней звучит голос народа. Переживания матери, таким образом, сливаются с чувствами её сына, а вместе они являют собой образ тех страданий, которые выпали на долю многих людей.

Вчитаемся. Действительно: в местоимении «их» может таиться не только трагедия семьи поэта, но и более масштабная. Место ссылки рисуется как огромное враждебное пространство. И таким же обобщением звучит каждое из следующих пяти слов: «всего там было – холода и голода». Без этих сцен и образов, созданных по некрасовским канонам (масштаб мысли и проникновенность чувства), сузились бы представление о самом страдании, лирическое начало было бы не столь впечатляющим. Таким образом, мы ощущаем мысль, пронизанную чувством боли, или чувство боли, осмысленное как народная трагедия. Лиризм, помноженный на глубину эпического ощущения жизни, – вот что усиливает переживание, делает его столь глубоким. Эпические основания лиризма – важная особенность стихотворения «В краю, куда их вывезли гуртом...» и цикла в целом.

Со второй по четвертую строфы слово лирического героя (автора, сына) причудливо перемежается голосом персонажа (матери). Иногда на первый план выходит его голос, иногда – её. Иногда же её характерное слово («кладбище немилое»), или только форма слова («могилки»), или характерный строй речи («Ни даже тебе прутика единого») – это просто вкрапления – «чужое» слово в его речи. Звучит удивительный двуголосый монолог. И – одновременно – с помощью малых деталей лексики и синтаксиса – создаётся глубокий психологический портрет матери, потому что речь идёт о её затаённой, но недостижимой мечте – умереть в родном краю. О. С. Бердяева справедливо отмечает важность для Твардовского родовой памяти: «В трагической ситуации, переживаемой человеком, вырванным насильственно из привычного уклада, из «родовых» связей, самым страшным оказывается не чужая сторона... а невозможность лечь в землю отцов и дедов» [Бердяева 1989: 60]. Потребность поэта в родовой памяти как залого «непрерывности эпических связей» (О. С. Бердяева) позволяет уловить переключку Твардовского с гениальной мыслью А. Пушкина: «родное пепелище» делают таким «отеческие гробы».

В оппозиции: «родимая сторона» – чужбина (а это составляет содержание указанных строф) противопоставлены не по богатству («не столько дом и двор со всеми справками»), а по тому, где «милее» кладбище.

В «родимой стороне» – «такая-то краса и благодать» (снова обратим внимание на слово матери, сохранённое в передаче сына). На чужбине – «кладбище немилое»: «Взгорок тот в родимой стороне с крестами под берёзами кудрявыми». На чужбине – «А на погосте том ни деревца, ни даже тебе прутика единого». В «родимой стороне» – «вдали большак, дымит пыльца дорожная». На чужбине – «кругом леса без края и конца (...) глухие, нелюдимые».

Место последнего упокоения поэтизируется в народном представлении: взгорок, кудрявые берёзы, а вблизи – жизнь, поэтому грезится ей не просёлочная дорога, а большак. «Отеческие гробы» не противопоставляются «родному пепелищу», потому что «укорениться» означает не только наладить хозяйство, обустроить жизнь. Оно означает также – достойно умереть, умереть в родной земле. В мечтаниях матери – ответ народных представлений о жизни и смерти.

А за мечтой, за переживаниями матери снова прочитывается общественный смысл трагедии раскулачивания: у миллионов людей были обрезаны, выкорчеваны корни. Разрушен святой и непреложный закон существования человеческого рода. Поздняя лирика Твардовского эпична. Именно «эпическое сознание народа... формирует и поддерживает в лирике Твардовского лирическое “я”». Но поддержка эта потому и необходима, что личность сталкивается с жестким драматизмом истории и нуждается в неких надличных основаниях собственного бытия, чтобы устоять и не расщепиться» [Бердяева 1989: 63].

Обратимся к последним двум строфам стихотворения:

Теперь над ней берёзы, хоть не те,
Что снились за тайгой чужедальнею.
Досталось прописаться в тесноте
На вечную квартиру коммунальную.
И не в обиде. И не всё ль равно,
Какою метой вечность сверху мечена.
А тех берёз кудрявых – их давно
На свете нету. Сниться больше нечему.

Чтобы понять, что изменилось в голосе лирического героя в этих строфах, надо обратиться к некоторым фактам биографии семьи. В 1936 г. семье удалось вернуться на Смоленщину, но не на свой хутор, который к тому времени уже был разорён, да так, что А. Твардовский, приехав однажды на пепелище (уже не в переносном, а в буквальном смысле) не смог найти даже следов строений – дома и прочей хозяйственной «справы». Удалось установить только место некогда вырытой «копани» (канавы), что само по себе выглядит символом разорения. В заключительных строфах мы слышим голос лирического героя – его скорбь и его чувство вины перед матерью.

Если в предыдущих строфах мать с характерным словом, оборотом речи, с затаённой мечтой – как живая. То в последних – есть только память о ней и о её мечте, не вполне сбывшейся. В сбивчивой, словно запинаящейся речи (особенно это чувствуется в перебое-переносе слов на другую строку: «Их давно / На свете нету»); в многочисленных повторах (повторяется слово «берёза»; в первой строке – «И не...», «И не...»); в обилии отрицаний, противоречащих друг другу (четыре отрицания на 4 строки!) – во всем этом вся сила выплеснувшегося чувства.

В последней строфе снова звучит переключка с Пушкиным, сказавшим: «И хоть бесчувственному телу / Равно повсюду ислепать...» Вот и Твардов-

ский вроде о том же: «И не в обиде. И не всё ль равно, Какою метой вечность сверху мечена» Но оказывается – не всё равно. Поэтому и заключительные слова стихотворения:

А тех берёз кудрявых – их давно
На свете нету. Сниться больше нечему, –

это не просто скорбь по усопшей – это выплеснулась боль о безвозвратности потери матери и её бесхитростной мечты.

Если сопоставить черновые варианты («междуматье» – называл их поэт) с окончательным текстом, становится ясно, что стихотворение переработано в двух направлениях. Твардовский круто изменил субъектную организацию текста. В рабочих вариантах стихотворения фактически нет второго персонажа – слова матери переданы от третьего лица: «Рассказывала мать...» – так начиналось стихотворение. «Но не о том рассказывала мать...» – это начало второй строфы. В передаче лирического героя почти нет ни одной из тех характерных черт речи матери, которые делают её портрет самобытным. Лишь однажды звучат: «...Такая благодать, / Теплынь, светлынь...» – слова, которые словно взяты из материнской речи. В рабочем варианте нет той щемящей концовки, в которой вина и боль от непоправимости утраты.

Третье стихотворение цикла – «Как не спеша садовники орудуют...» [Твардовский 2012: 62]. Вчитаемся в него, чтобы определить его тему. Композиционно стихотворение строится как противопоставление труда садовника и работы могильщиков. Как «садовники орудуют», поэт знал не понаслышке: он любил эту работу, когда позволяло время, с удовольствием делал всё необходимое в саду. (По его собственному выражению, «лечился лопатой от бессонницы и нервов» [Новомирский дневник 2009: 91]). Перед нами исполненная особой заботы, тщательная, любовная работа во имя жизни. И те же тщательность и любование в описании её: «не спеша орудуют», яму заготавливают заранее, «грунт не сваливают грудью – по горсточке отмеривают, / Как будто птицам корм из рук...» (Замечательна эта деталь – «как будто птицам корм из рук». Так и видишь этот жест и всю сцену: будущая яблоня – нечто столь же живое, как птицы, и так же нуждается в уходе.) И только тот, кто трудится во имя жизни, знает, что нет предела совершенству: по «пристальному кругу» садовники «пройдутся» не только лопатой, но и граблями.

Каждая деталь работы могильщиков словно бы «заточена» на иной навык: «как будто откопать спешат, А не закапывают навек». Работают «могильщики – рывком – / Давай, давай без передышки», «спешат – меж двух затяжек срок...» Каждая деталь описания отзывается в сердце болью. Больно видеть эту спешку: и как забрасывают гроб «комьями», и как кидают «песок, гнилушки, битый камень», лишь бы «кой-как содвинуть в бугорок, Чтоб завалить его венками». (К этой детали мы ещё вернёмся.) Больно сознавать, что и ты, любивший понастоящему и скорбящий искренне и глубоко, в себе

ощущаешь ту же спешку: «Ведь ты и сам готов помочь, Чтоб только всё – ещё короче».

Обратимся к детали, о которой упоминалось выше.

По дневниковым записям самого А. Твардовского можно восстановить многие детали. Иные из них увидены им самим – он не мог не примечать их даже в горе – таков удел поэта. Обратимся к дневниковой записи от 28 марта: «Кладбище в глубоких сугробах. Могила отца. Замок на двери сторожки... Гробовщики (“надо ждать”)... Сырые дощечки неокорённого леса, халтура» [Романова 2006: 629]. Немного изменённые, те же детали есть и в стихотворении. Они усиливают и впечатление от работы, и общий вывод – «халтура». Но ведь чувства лирического героя – подлинные! А среди них – предельная честность – то же желание поскорей покончить с захоронением, рвущим душу. Так проявляется знакомое нам по предыдущим стихам цикла и по более ранним стихам чувство вины живого перед умершей (Оно сродни выраженному в афоризме: «Я знаю, никакой моей вины / В том, что другие не пришли с войны...»).

Становится понятным, что всё в стихотворении: и композиция с её противопоставлением труда садовников и могильщиков, с противопоставлением жизни и смерти, с этим, на первый взгляд, не мотивированным желанием, «побыстрей» закончить захоронение, – всё это проявления того же нравственного чувства вины перед матерью.

Обратим внимание на абсолютный поэтический слух поэта – точность словоупотребления. Твардовский использует для обозначения труда садовников глагол «орудовать» (работать с помощью каких-либо предметов, распоряжаться), не упоминая ни единого глагола для обозначения работы могильщиков. Вот ряд слов, употреблённых поэтом в качестве синонимов: «рывком», «давай, давай», «минутой дорожат», «пожарный навык», «спешат», как будто откопать спешат, а не закапывают навек». Эти слова – синонимы не работы как таковой, а спешки (не случайно это слово повторено). В такой точности словоупотребления проявлено желание лирического героя, «чтоб только всё ещё короче», выдаёт его состояние горя и смятения.

Приведём ещё одно воспоминание о том, как переживал своё горе А. Твардовский. Вспоминает В. Шуваев о первой после похорон встрече с поэтом:

«Пришёл грустный, осунувшийся, бледный.

– Мать похоронил. – Сел на табуретку, стоявшую почему-то посреди комнаты. – Теперь ничто не загораживает.

За его спиной сквозь пыльное окно сияло апрельское солнце; дымящиеся, синеватые лучи как бы обхватывали Александра Трифоновича, одиноко выделяли его среди большой и пустой комнаты, усугубляли печаль опущенных плеч» [Романова 2006: 630].

Итак, подведем некоторые итоги. Зачин цикла – стихотворение «Прощаемся мы с матерями...» – поднимает тему невольной вины сына перед матерью, сыновнего эгоизма. Позднее раскаяние, осоз-

вание непоправимой утраты пробуждает чувство сыновнего долга. Но это чувство не выходит за пределы их семейных взаимоотношений. Второе стихотворение, «В краю, куда их вывезли гуртом...», обращает нашу память к трагедии общенационального масштаба. Она показана как неискупимая вина государства перед крестьянством. Именно на фоне общенациональной трагедии рисуются переживания матери, которая не может осуществить свою мечту - быть похороненной на кладбище вблизи своего родного хутора. В сюжете стихотворения мы ощущаем нарастание и личного чувства вины лирического героя, и его чувства ответственности. Третье стихотворение цикла, «Как не спеша садовники орудут...», родилось также из непосредственных переживаний, связанных с последними часами жизни матери, с похоронами, которые дали толчок к пониманию драматизма эпохи и мере и степени сопротивления ему.

Данные об авторе:

Ася Михайловна Сапир – Заслуженный учитель Российской Федерации, одна из создателей гуманитарного лицея № 40 (Екатеринбург), одна из разработчиков его методики и образовательных программ. С 1984 по 1996 совмещала работу в лицее с работой в УрГПУ в качестве старшего преподавателя кафедры современной литературы. С 1996 г. живёт в США (Мэйн).

E-mail: asyasapir@gmail.com

About the author:

Asya Michailovna Sapir – Honored Teacher of Russian Federation, one of founders of the Humanities Lyceum #40 (Yekaterinburg), one of the original developers of its method and program of education. From 1984 to 1996, while working in school, also served as a senior instructor at the Department of Modern Russian Literature in Ural State Pedagogical University. Since 1996, lives in the USA (Maine).

ЛИТЕРАТУРА

Бердяева О. С. Лирика Александра Твардовского: уч. пособие к спецкурсу. – Вологда: ВГПУ, 1989.

Привалов П. «Второе крыло». К истории одного портрета // Новый Смоленск. – 2008. – № 15. URL: <http://www.journalmolensk.ru/03-15/10/10.PHP> (дата обращения: 01.03.2013).

Романова Р. Александр Твардовский. Труды и дни. – М.: Водолей Publisher, 2006.

Сиводедов В. Т. Письма и встречи // Всегда с А. Т. Твардовским: воспоминания братьев и сестёр поэта, учителя Егорьевской школы, одноклассников Белохолмской школы и друзей детства. – Десногорск, 2008.

Твардовский А. Т. Давно ли? Жизнь тому назад. – М.: ЭКСМО, 2010.

Твардовский А. Т. Новомирский дневник. 1961–1966, 1967–1970. М.: ПРОЗАИК, 2009.

Твардовский А. Т. Стихотворения. Поэмы. – М.: ДРОФА, 2012.

Турков А. Твардовский. ЖЗЛ – малая серия. – М.: Молодая гвардия, 2010.